

HAL
open science

Индивидуализация и ”деиндивидуализация”

Christine Bonnot

► **To cite this version:**

| Christine Bonnot. Индивидуализация и ”деиндивидуализация”. 2012. <halshs-00675370>

HAL Id: halshs-00675370

<https://shs.hal.science/halshs-00675370>

Preprint submitted on 29 Feb 2012

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Индивидуализация и «деиндивидуализация» Постпозиция неопределенных местоимений в русском языке

Christine BONNOT¹

1. Постановка задачи и исходная гипотеза

Данная статья продолжает серию исследований автора, посвященных вариативности порядка слов в именной группе. При описании функционирования неопределенных местоимений в постпозиции мы отталкиваемся от гипотезы, уже неоднократно проверенной нами на притяжательных и указательных местоимениях².

Наша гипотеза состоит в том, что инверсия прямого порядка слов, т.е. постпозиция согласованного определения по отношению к существительному, не является стилистическим вариантом, а указывает на разъединение двух операций, способствующих построению референтного значения именной группы (ИГ):

- выделение некоторого объекта внеязыковой действительности, обладающего пространственно-временными координатами;
- характеристика данного объекта отнесением его к понятийному классу, обозначаемому именем существительным, а также приписыванием ему признаков, выражаемых определениями;

Так, отсутствие какого бы то ни было актуализатора в препозиции свидетельствует о том, что референт ИГ уже актуализован в ситуации речи: существительное всего лишь обозначает заданный объект, а постпозитивное местоимение, потеряв свою первичную функцию актуализатора, отсылает к свойствам объекта, сложившимся вне связи с рассматриваемой ситуацией. Иными словами, *инверсия компонентов именной группы не способствует введению нового референта, а проецирует на уже актуализованный объект готовое представление, сформированное вне зависимости от речевой ситуации.*

В качестве наглядного примера функционирования ИГ с постпозицией определения, выраженного указательным местоимением, может служить следующий диалог:

- (1) (В комнате включен телевизор)
А. Это что (о телевизионной передаче)?
Б. Это четвертая (программа)//
А. А-А/ шпионский этот (фильм)// (Русская разговорная речь, Тексты: 256)

В словосочетании *шпионский этот* инверсия позволяет отождествить актуализованный объект – передачу, которую смотрит собеседник – с готовым представлением, составленным еще до момента речи, то есть с представлением о фильме про шпионов, который должны были показывать по четвертому каналу, о чем говорящий знал заранее. При этом семантика указательного местоимения *этот* изменяется: выполняя свою дейктическую функцию, оно отсылает к объекту не настоящей речевой ситуации, а предшествующей. Заметим, что во французском языке в подобного рода контекстах такую функцию выполняет определенный артикль (« Ah ! le film d'espionnage ! »).

Этот механизм можно представить в нижеследующей схеме: скобки ( ) символизируют именную группу с постпозитивным определением, в которой происходит слияние двух полюсов: [X]_{Siti} – уже актуализованный в ситуации Siti референт (в примере (1) таким референтом является передача, которую смотрит собеседник) и [Y]_{Dét} – представление, сложившееся независимо от ситуации Siti (представление о шпионском фильме, который должен идти по 4-му каналу):

$$[X]_{Siti} \rightarrow ( ) \leftarrow [Y]_{Dét}$$

Как мы видели в примере, приведенном выше, этот механизм может взаимодействовать с дейктической функцией указательного местоимения *этот*. Что касается неопределенных

¹ INALCO (Paris) & CNRS FRE 3326 : SEDYL/CELBS ; BonnotCh1@aol.com

² См. предыдущие работы: Bonnot 2008, 2009 и (в печати).

местоимений, механизм накладывается на их функцию индивидуализации, уже неоднократно признанную всеми специалистами по этому вопросу. Все неопределенные местоимения, несмотря на широкий спектр значений, выполняют общую функцию в русском языке – они указывают, каким образом выделяется один элемент из понятийного класса, обозначаемого существительным. Тем самым местоимения индивидуализируют данный элемент, подчеркивая у него наличие свойств, которые отличают его от других элементов своего класса, даже если эти свойства и не раскрываются. Поэтому их употребление с именами предметов, относящихся к гомогенному классу, исключается, тогда как с именами лиц или таких высоко индивидуализированных «ментальных эксплицируемых вещей»³ как фильмы, книги, рассказы – является зачастую обязательным. Как подчеркивает Т. Николаева (1985: 44-46), именно эта функция отличает неопределенные местоимения от неопределенных артиклей в западноевропейских языках, которые просто отмечают принадлежность референта к классу элементов, обозначаемому существительным, не принимая во внимание его отличительные признаки.

Однако постпозитивное неопределенное местоимение хоть и отмечает отличительные признаки элемента, но все же отодвигает их на второй план. Это связано с тем, что единственное готовое, не зависящее от ситуации, представление, которое можно спроецировать на неопределенный объект, вводящийся впервые, является обобщенным: это сложившееся в языковом коллективе представление об элементах понятийного класса, обозначаемого существительным. Иными словами, если само неопределенное местоимение индивидуализирует референт, то, при его постпозиции происходит некая деиндивидуализация и признаки, отличающие его от других элементов класса, представляются несущественными в данной речевой ситуации. Проиллюстрируем такое функционирование на примере (2):

- (2) – Телевизор включали, пока пили кофе в гостях?
– Да, у них телевизор на кухне стоит.
– И что показывали?
– Не помню. Фильм какой-то, кажется.
– Какой фильм? – допытывалась Настя. [...]
– Не помню я, какой был фильм. – Саша пожал плечами. – Мы же его не сначала смотрели, да и вообще не смотрели, разговаривали.
– Постарайся вспомнить что-нибудь, актера или хотя бы реплику.
– По-моему, там играл Бельмондо, – неуверенно произнес Саша. – Что-то комедийно-детективное. (А. Маринина, *Убийца поневоле*)

В соответствии с вышеизложенной схемой вынесение неопределенного местоимения в постпозицию по отношению к существительному объясняется взаимодействием двух факторов:

- во-первых, ИГ указывает на референт, контекстно актуализованный через вопрос собеседника (*И что показывали?*). Если референт вводится в этом же предложении, то препозиция является обязательной:
- (2а) – Телевизор включали, пока пили кофе в гостях?
– Да, у них телевизор на кухне стоит. Показывали, кажется, какой-то фильм, но мы вообще его не смотрели, разговаривали.
- во-вторых, реализуется минимальная идентификация: говорящий указывает, к какому понятийному классу принадлежит референт, не пытаясь при этом определить его индивидуальные признаки, ввиду их нерелевантности. Когда же говорящий сразу наделяет референт дополнительными признаками, не дожидаясь новых вопросов собеседницы, то неопределенное местоимение располагается в препозиции по отношению к существительному:
- (2б) – И что показывали?
– Какой-то фильм с Бельмондо, кажется. Что-то комедийно-детективное.

---

³ Т. Николаева (1985: 46).

Препозиция местоимения также возможна без наличия других уточняющих определений. В таком случае оно указывает не на безразличное отношение говорящего к объекту речи, а на его желание и в то же время затруднение вспомнить индивидуальные признаки этого объекта. Тогда степень неуверенности, выраженная модальным маркером *кажется*, возрастает, и категориальная принадлежность может быть оспорена в правом контексте:

- (2в) – И что показывали?
– Не помню. Какой-то фильм, кажется. (А может, спектакль.)

Тогда как при постпозиции местоимения предположение о спектакле невозможно: даже если ответ на первый взгляд может показаться неточным, сама форма ответа кажется уверенной. Она просто указывает на то, что свойства референта несущественны для говорящего и что тот больше не пытается вспомнить, что именно показывали по телевизору.

А поскольку референт относится к «ментально эксплицируемым вещам», обладающим высокой степенью индивидуальности, употребление неопределенного местоимения, отсылающего к его индивидуальным свойствам, даже если они и считаются нерелевантными, является обязательным. В самом деле, отсылка к ним предполагает, что говорящий оперирует в рамках уже идентифицированного класса. А при отсутствии местоимения мы понимаем, что он еще колеблется в определении категории, к которой принадлежит референт:

- (2г) – И что показывали?
– Не помню. Кажется, фильм или спектакль. Но я не уверен, это было давно⁴.

Таким образом, при наличии местоимения в постпозиции на начальную операцию индивидуализации объекта речи накладывается операция «деиндивидуализации», что никак не может приравниваться к отсутствию индивидуализации, на которую указывает употребление существительного без местоимения. Кроме того, постпозиция местоимения допускается при условии, что референт уже актуализован, и поэтому, прежде чем приступить к описанию взаимодействия операции «деиндивидуализации» с семантикой каждого неопределенного местоимения, мы рассмотрим разные виды контекстов, в которых возможна предварительная актуализация референта.

2. Различные способы предварительной актуализации [X]_{Siti}.

Мы выделяем три вида:

2.1. Референт [X]_{Siti} актуализируется через контекст.

ИГ с инвертированным порядком слов кореферентна термину, который уже был введен в левом контексте. Например, когда ИГ отвечает на вопрос, целью которого является идентификация референта (ср. (2)), или когда она употребляется в качестве приложения, как в (3):

- (3) Но кого ни спросишь – все помнят себя с пяти-шести лет. А раньше? Или все-таки не все забывается и иногда приходит к нам, как мгновенная вспышка, из самого раннего детства, от истока дней? Разве не испытывал почти каждый, как увидев что-то, вовсе даже неяркое, обыкновенное, лужу какую-нибудь на осенней дороге, услышав некий звук или запах, поразишься вдруг напряженной мыслью: это было уже со мной, это я видел, пережил! Когда, где? И в этой ли жизни или в жизни совсем другой? И долго силишься вспомнить, поймать мгновенье в прошлом – и не можешь. (Ю. Казаков, *Во сне ты горько плакал*)

Как видно из этого примера, инверсия далеко не всегда является стилистической чертой спонтанной устной речи, как это принято считать в традиционной грамматике. Здесь она является необходимым условием для обеспечения когезии сложного художественного текста. Так, только постпозиция неопределенного местоимения *какой-нибудь* в примере (3) позволяет понять, что ИГ не вводит новый референт, рассматриваемый сам по себе, а, выполняя функцию

---

⁴ О необходимости употребления неопределенного местоимения в некоторых контекстах, чтобы избежать контрастной позиции при операции категоризации, выполняемой существительным, см. О. Селиверстова (2004: 447-450).

вводного словосочетания, иллюстрирует, какое именно понятие несет в себе выражение « что-то даже неярко, обыкновенное ». При его опущении препозиция местоимения становится обязательной:

- (3а) Разве не испытывал почти каждый, как увидев какую-нибудь лужу на осенней дороге, услышав некий звук или запах, поразишься вдруг напряженной мыслью: это было уже со мной, это я видел, пережил!

Заметим, что отношение кореферентности, маркируемое инверсией, меняет интерпретацию местоимения *какой-нибудь*. Качественная вариативность, выражаемая местоимением, больше не отсылает к одному понятийному классу, называемому существительным, например в (3а) («лужа разных размеров»), а распространяется на все классы, относящиеся к понятиям «банальный», «заурядный» («лужа или что-то подобное»). Мы еще вернемся к этому вопросу в пункте 3.4.

2.2. Референт $[X]_{\text{Sit}}$ актуализируется через экстралингвистическую ситуацию.

ИГ с инверсией компонентов может также иметь дейктическое значение и указывать на объект, присутствующий в данной ситуации.

- (4) (*Археологи рассматривают недавно обнаруженную статуэтку*)
Это была маленькая металлическая статуэтка – странный скорченный человечек в необычной позе. Он стоял на коленях, сильно наклонившись вперед, упираясь тонкими руками в пьедестал. Меня поразило его лицо. С оскаленным кривоватым ртом, с тупым курносом носом, оно странно и дико глядело на нас выпуклыми белыми, видимо покрытыми эмалью, глазами. Лицо это было выполнено удивительно реалистично – измученное, тоскливое, с упавшей на лоб жалкой прядью прямых волос. На голой спине человечка громадными буграми выдавались угловатые лопатки, колени были острые, а на руках торчали всего по три скрюченных когтистых пальца.
– Божок какой-то, – вполголоса сказал Строкулев. – Тяжелый. Золото, как ты думаешь?
Я поставил статуэтку на стол.
– Не похоже. Возможно, платина... (А. и Б. Стругацкие, *Извне*)

Благодаря постпозиции местоимения изолированная ИГ (употребляемая вне синтаксической структуры) отсылает к объекту, который находится перед глазами говорящих. Прямой порядок слов в ИГ возможен при наличии дейктического местоимения, эксплицитно указывающего на данный предмет:

- (4а) – Похоже, это какой-то божок.
– Не думаю.

Тем не менее, следует отметить, что примеры (4) и (4а) неравноценны. Так, в примере (4) говорящий интересуется не столько идентификацией божка, сколько металлом, из которого он изготовлен. Тогда как в (4а) невозможность с точностью определить имя божка вводит говорящего в затруднение и позволяет ему лишь выдвинуть гипотезу, нуждающуюся в подтверждении. Следовательно, правый контекст претерпевает изменения.

Дейктическое употребление ИГ с инвертированным порядком слов часто встречается с оценочными существительными, выражающими спонтанную реакцию говорящего на услышанное или на ситуацию, в которой он внезапно оказался: *Чушь какая-то!*, *Прямо наваждение какое-то!*, *Просто чудеса какие-то!* и т. д.

2.3. Референт $[X]_{\text{Sit}}$ актуализован косвенно через включение в заданное множество.

- (5) (*Диалог двух друзей, один из которых недавно потерял близкого человека.*)
– [...] Ты-то как сам?
– Хреново, брат! Очень хреново! Деда я хоронил, бабушек тоже. Приятель один хороший разбился на машине, давненько уже. А такого близкого и родного человека, молодого... терять ещё не приходилось. Да и не было у меня в сознательной жизни более близкого человека. [...] (Е. Гришковец, *Асфальт*)

Препозиция местоимения в этом примере нежелательна, так как прямой порядок слов указывает на начало нового рассказа, в котором смерть приятеля рассматривается обособленно. В то время как постпозиция местоимения подчеркивает, что референт, к которому отсылает существительное, является одним из элементов целого, актуализованного двумя предыдущими предложениями: это один из ушедших из жизни близких. Поэтому его индивидуальные признаки не так важны, как понятийные свойства – обобщенные свойства, заданные словом *приятель* – отличающие его от других элементов данного множества: смерть близких людей пожилого возраста и смерть друга, ровесника говорящего, могут быть пережиты по-разному. Отметим, что наличие прилагательного *хороший* не является препятствием для инверсии прямого порядка, так как оно не индивидуализирует референта, а строит подкласс, релевантный для данного контекста: близких друзей терять тяжелее, чем просто знакомых.

3. Как воздействует операция «деиндивидуализации» на интерпретацию разных неопределенных местоимений?

Операция деиндивидуализации способствует появлению различных значений у неопределенных местоимений. Эти значения одновременно зависят от контекста и семантического содержания местоимений. Мы рассмотрим лишь некоторые из них: *один, кое-какой, какой-то* и *какой-нибудь*.

3.1. ОДИН

Местоимение *один* отличается самой слабой степенью неопределенности. Его функция заключается в выделении объекта из класса ему подобных исходя из индивидуальных признаков, которые говорящий при желании мог бы назвать, но не считает это необходимым. А его постпозиция указывает на то, что эти же индивидуальные признаки игнорируются говорящим, и тем самым подчеркиваются общие свойства, входящие в понятие, названное существительным, что отсылает к общепринятым представлениям, которые могут с ним ассоциироваться:

(б) *(Герой объясняет своей подруге, молодой проститутке, что он ходил к жене покойного друга, чтобы вернуть деньги, которые тот ему одалживал.)*

Лена понимающе кивнула.

– Мою подружку месяц назад убили. Пьяный один позвал к себе... И задушил. А я у нее книжки брала читать, у ее предков классная библиотека... Но я назад не понесу... [...] (А. Курков, *Приятель покойника*)

В этом примере постпозиция местоимения выполняет двойную функцию: с одной стороны, ИГ идентифицирует уже заданный агенс действия *убили*, а с другой стороны, она придает этой идентификации пояснительное значение: на убийцу проецируется прототипический образ пьяного человека, а всем известно, что человек в состоянии опьянения не контролирует свои действия. В том случае, когда значение существительного не содержит в себе предрасположенность к агрессивным действиям, говорящий скорее прибегнет к препозиции:

(ба) – Мою подружку месяц назад убили. Один (богатый) клиент позвал ее к себе... Напился и задушил.

3.2. КОЕ-КАКОЙ

В соответствии с этимологическим значением частицы *кое-*, восходящей к вопросительному местоимению, *кое-какой* маркирует операцию отбора референтов среди высоко индивидуализованных объектов. В результате оно тесно сочетает количественную и качественную детерминацию, одновременно подчеркивая, что отобранные элементы представляют лишь подкласс более широкого класса и что выбор каждого из них обусловлен индивидуальными признаками, которые говорящий мог бы назвать. Относительный вес этих двух компонентов может варьироваться в зависимости от грамматического числа определяемого существительного. При употреблении с существительным во множественном числе, как правило, происходит равномерное распределение между двумя компонентами – общей количественной детерминацией и дистрибутивной качественной детерминацией: иначе говоря, референтом является совокупность немногочисленных элементов, сохраняющих свою собственную индивидуальность, что при необходимости допускает их перечисление, например: «Мне как демобилизованному офицеру были положены кое-какие продукты питания на целый

месяц – хлеб, мука, крупа, сахар.» (А. Зиновьев, *Русская судьба, исповедь отщепенца*, НКРЯ⁵). А при употреблении с существительным в единственном числе, абстрактным или собирательным, баланс нарушается в пользу одной из форм детерминации; неопределенное местоимение приобретает явственное оценочное значение, подчеркивая а) количественную недостаточность: «Я ему оставила кое-какую еду, а сама пошла в институт.» (А. Адамович, Д. Гранин)⁶, или же б) незаурядность референта, который представляется настолько особенным, что собеседник может легко догадаться, что именно подразумевает говорящий: «Пришёл кой-какой товарец. И наш и зарубежный.» (И. Штемлер)⁷.

Равновесие между двумя формами детерминации также зависит от места неопределенного местоимения в ИГ. Его постпозиция указывает, что отличительные свойства, к которым отсылает местоимение, несущественны в данной речевой ситуации и выводит на первый план количественную составляющую, не создавая при этом какого-либо особенного оценочного значения. Например:

(7) В январе сорок первого года я уехал в Ленинград, сдал государственные экзамены, защитил дипломную работу, вернулся в Калинин в хорошем настроении, как-никак инженер-технолог, четыре года на это ушло, прихватил из Ленинграда пару бутылок вина, закусок кое-каких – надо отметить... Выпили мы с Соней, она меня поздравляет, радуется, потом говорит: [...]. (А. Рыбаков, *Тяжелый песок*, НКРЯ)

Здесь постпозиция местоимения напрямую соотносится с использованием генитива с партитивным значением. Выбор, маркируемый *кое-какой*, может приравниваться к отделению части из гомогенного вещества только в том случае, если индивидуальные признаки отобранных элементов представлены как второстепенные по отношению к их общей функции, объединяющей их в один и тот же понятийный класс. А при препозиции местоимения генитив исключается, поскольку выбор происходит не внутри одного более или менее гомогенного абстрактного класса, а среди различных элементов ситуации, индивидуальные признаки которых, таким образом, остаются очевидными. Кроме того, в таком случае, к количественной характеристике примешивается субъективный фактор: малое количество купленных товаров может показаться результатом компромисса между тем, что говорящий может себе позволить и тем, как принято поступать в подобной ситуации. Этим же объясняется введение частицы *же*, позволяющей перейти от объяснения к оправданию:

(7а) ...прихватил из Ленинграда пару бутылок вина, кое-какие закуски – надо *же* отметить...

С существительным в единственном числе постпозитивное местоимение приобретает преуменьшающее значение:

(8) – А у тебя как жизнь? – спросила Аля. – Где Кейт, кстати?
– У меня все о'кей, – ответил Илья. – Рекламная студия своя в Нью-Йорке, еще бизнес кое-какой. Кручусь неплохо!
– Я слышала, ты в Голливуде что-то собирался снимать, – вспомнила она.
– Ну-у, милая, – поморщился Илья, – эту цитадель нам не взять. (А. Берсенева, *Полет над разлукой*, НКРЯ)

Отмечая, что отличительные свойства референта не существенны в данной ситуации, постпозиция указывает тем самым на его относительную степень важности. По сравнению с рекламной студией бизнес представлен как менее важный заработок. Говорящий дает понять, что упоминает о нем только с целью предоставить полную картину и что он не собирается вдаваться в подробности о роде бизнеса. Если бизнес, напротив, представлен как такой же важный источник доходов, что и рекламная студия, то местоимение ставится перед существительным. В таком случае кажется также необходимым ввести союз *а*. Неопределенное местоимение подчеркивает наличие незаурядных признаков у референта, тем самым выдавая

⁵ Под аббревиатурой НКРЯ мы подразумеваем, что примеры были взяты из Национального корпуса русского языка.

⁶ Пример позаимствован у С. Кузьминой (1989 : 182).

⁷ Пример позаимствован у С. Кузьминой (1989 : 181).

гордость говорящего за свой бизнес, желание подстегнуть любопытство собеседника и готовность ответить на возможные вопросы:

(8а) – У меня всё о'кей. Рекламная студия своя в Нью-Йорке, а ещё кое-какой бизнес. Кручусь неплохо!

3.3. КАКОЙ-ТО

Какой-то выражает более высокую степень неопределенности, чем *один* и *кое-какой*. В соответствии с этимологическим значением частицы *-то*, восходящей к дейктическому местоимению, *какой-то* указывает, что объект выделяется из класса ему подобных элементов просто за счет его появления в ситуации, представленной как уже реализованной, а не из-за присущих ему отличительных свойств. Чаще всего собеседник понимает, что говорящему неизвестны присущие объекту свойства, даже если они и зафиксированы ситуацией. В «дискурсе» (как его толкует Бенвенист) отсылка к неизвестным свойствам объекта влечет за собой появление различных субъективно-модальных значений, природа которых частично зависит от места местоимения в ИГ. При препозиции местоимения эти неизвестные признаки представлены как потенциально значимые, отсюда значение неуверенности (ср. (2а) и (4а)), недоумения или непонимания («М.М. выпил чашку, отказался от второй и ушел опять за ворота в каком-то беспокойстве»⁸); а при постпозиции – они представлены как несущественные, что дает другого рода значения, как показывают примеры с (9) по (11):

Обычное явление:

- (9) (*Молодая крестьянка, обнаружив в избе незнакомца, спрашивает у матери:*)
– Мама, что это за человек у нас?
– Так... Проходящий какой-то. Странник, веру ищет, ночевать попросился. (Ю.Казаков, *Странник*)

Препозиция местоимения в данном примере не допускается, так как такой порядок слов означает, что говорящая сама не знает личность случайного гостя, тогда как употребление частицы *так* показывает, что цель матери – успокоить дочь, акцентируя внимание на том, что у мужчины нет отличительных свойств, которые оправдывали бы беспокойство последней.

Презрение:

- (10) (*Девочка пытается добиться встречи с известным певцом у широкоплечего охранника.*)
– Скажите ему, что пришла дочь композитора Немчинова.
Детина хмыкнул, но глаза перестали казаться пустыми, в них мелькнуло что-то вроде любопытства. Будто нехотя снял он трубку и набрал номер.
– Вячеслав Олегович? Это дежурный. Тут к Игорю девочка пришла, говорит, что она дочь композитора какого-то...
– Немчинова, – тут же подсказала Лера. – Геннадия Немчинова. (А. Маринина, *Реквием*)

Не желая произносить имя композитора и низводя, таким образом, того до ранга любого представителя класса ему подобных, говорящий выказывает пренебрежительное отношение к девочке, которое уже ранее проскользнуло в его жестах и мимике (ср. *хмыкнул, будто нехотя*)⁹. Вынесение местоимения в начало ИГ соответствует более нейтральному отношению, говорящий просто передает сообщение, подчеркивая, что он не знает всех подробностей. Такой ответ звучит более естественно, если он действительно не знает имя референта. См. (10а) :

- (10а) – Скажите ему, то пришла *дочь члена Союза композиторов*.

⁸ Как пишет Т. Николаева, у которой позаимствован пример, *какой-то* здесь указывает, что реализация данного абстрактного явления «неясным для говорящего образом связана с событием» (1985: 51).

⁹ Следует отметить, что в примере (10), предварительная актуализация референта производится через употребление реляционного имени *дочь*, для которого [X]_{Siti} является обязательной валентностью.

– Вячеслав Олегович? Это дежурный. Тут к Игорю девочка пришла, говорит, что она дочь какого-то композитора...

Раздражение :

(11) *(Разговор в машине)*

– Дорогая, ты права всегда, потому что ты женщина, а они, как известно, всегда правы. Черт! Тут ремонт дороги какой-то затеяли... придется объезжать. Так, сюда нельзя, одностороннее движение... попробуем найти поворот... (А. Маринина, *Седьмая жертва*)

Как мы уже видели в примере (4), постпозиция местоимения указывает на то, что ИГ употребляется дейктически: говорящий сообщает пассажирке о появлении нового объекта в экстралингвистической ситуации. Одновременно с этим он не сдерживает свое раздражение, эксплицитно подчеркивая, что тип только что обнаруженных ремонтных работ его не интересует, а важен только сам факт ремонта дороги как препятствие для движения. В отсутствие местоимения-актуализатора происходит просто категоризация референта, а препозиция местоимения означает, что говорящий действительно интересуется типом ремонтных работ и их возможной продолжительностью. И первое, и второе употребление больше подходят в более нейтральном контексте, например (11а) и (11б), где ИГ теряет дейктическое значение – говорящий объясняет собеседнику, как лучше проехать до места назначения:

(11а) – По Московскому ты не проедешь, там ремонт дороги, поезжай по Садовой.

(11б) – По Московскому ты не проедешь, там какой-то ремонт дороги затеяли, поезжай по Садовой.

Разумеется, пренебрежительное или уничижительное значения также допускаются с препозитивным местоимением, но в ограниченном ряде контекстов, в которых эксплицитно дается понять, что говорящий знает референт. Таким примером может служить следующий контекст, где ИГ употребляется в предикативной функции для квалификации уже идентифицированного референта:

(12) *(Профессор шокирован фамильярным обращением на ты одного из своих бывших студентов, ставшим инструктором ЦК КПСС.)*

[...] меня корытовское «ты» раздражает. Подумаешь, какой-то инструктор ЦК, а тычет так, как будто он старшина рота. (А. Зиновьев, *Светлое будущее*)

Уничижительное значение появляется из-за противоречия между семантикой местоимения *какой-то* и предварительной идентификацией референта: говорящий не выделяет его из класса подобных ему элементов не потому, что он не обладает достаточной информацией об объекте, а потому, что тот не заслуживает его внимания. Семантическое смещение в (10) относится к этому же типу, но там оно происходит благодаря постпозиции местоимения.

3.4. КАКОЙ-НИБУДЬ:

В отличие от выше анализируемых местоимений, *какой-нибудь* выражает неспецифическую неопределенность. Согласно этимологии частицы *–нибудь*, оно означает, что свойства референта могут варьироваться. Чаще всего это связано с тем, что выбор референта из класса ему подобных элементов обусловлен реализацией еще гипотетической ситуации. Что касается позиции местоимения, все будет зависеть от отношения говорящего к параметру изменчивости: при препозиции – еще не устоявшиеся свойства референта, в принципе, не являются эквивалентными для говорящего¹⁰, тогда как при постпозиции – они представлены как взаимозаменяемые. Такое показное безразличие к неопределенности, выражаемой

¹⁰ Толкование «*безразлично какой*», предложенное Кузьминой (1989: 175) не совсем удачно, тем более что ниже она пишет: «В большинстве контекстов значение безразличности не возникает или не является очевидным.»

местоимением, порождает субъективные значения, близкие к значениям *какой-то* в постпозиции.

Пренебрежение:

- (13) (*Здоровенный детина делает заказ в ресторане*)
– Два шашлыка, пару салатов каких-нибудь и курицу в табаке.
– Табака, – поправила официантка, записывая.
– Я знаю, – сказал детина. – Я же шучу. (В.Шукшин, *Случай в ресторане*)

Среди заданного ситуацией множества, т. е. набора блюд, входящих в меню, говорящий должен бы сделать свой выбор, однако эксплицитное указание на то, что ему безразлично, какие предлагаются салаты, свидетельствует о том, что они кажутся ему ненастоящей едой и что он видит в них лишь способ дожидаться основного мясного блюда. При малейшем намеке на предпочтения говорящего относительно ингредиентов, входящих в состав салатов, местоимение окажется в препозиции:

- (13а) – Два шашлыка и пару каких-нибудь салатов, только без огурцов, если можно.

Шутка (Вопрос, не требующий ответа):

- (14) (*Переживая о полученных угрозах, Настя Каменская с трудом ведет себя непринужденно в присутствии брата и невестки, пришедших без предупреждения, чтобы поздравить ее с днем рождения. Невестка догадывается, что Настю что-то гложет:*)
– Ты даже наш подарок не посмотрела, – укоризненно произнесла она. – А мы так старались, мы его целый месяц собирали. Готовились...
– Господи, да что же это за подарок такой, который нужно месяц собирать? Конструктор какой-нибудь? – рассмеялась Настя и сама удивилась своей способности смеяться. (А.Маринина, *Седьмая жертва*)

Постпозиция местоимения вызвана тем, что вопрос задан в шуточной форме: говорящая ни секунды не верит, что ей могут подарить конструктор. Препозиция допускается в том случае, если вопрос задается ребенком, который действительно полагает, что ему могли подарить конструктор, тогда свойства референта становятся значимыми.

Кроме того, как мы видели в (3) («...увидев что-то, вовсе даже неяркое, обыкновенное, лужу какую-нибудь на осенней дороге...»), постпозиция местоимения может внести более сильные семантические изменения, это значит, что качественная вариативность не ограничивается значением, к которому отсылает существительное, и может охватить все множество подобных значений. Ср. (15) и (16):

- (15) (*Перед тем как купить элегантные, но дорогие сапоги, муж задается вопросом о возможной реакции жены на такой дорогой подарок.*)
[...] Скажет, на кой они мне, такие дорогие! Лучше бы девочкам чего-нибудь взял, пальтишечки какие-нибудь – зима подходит. (В.Шукшин, *Сапожки*)
(16) – Налей мне чайку какого-нибудь холоденького, что-то все во рту... язык как деревянный. (Г. Семенов)¹¹

В (15) местоимение вводит существительное *пальто*, как пример того, что следует покупать при приближении зимы, и имеет значение очень близкое к значению такого дискурсивного маркера, как *например* или *скажем*, который мог бы его заменить: *Лучше бы девочкам чего-нибудь взял, пальтишечки, например (скажем) – зима подходит*. В (16) Кузьмина предлагает следующее толкование: «питья вроде чая». Мы считаем, что семантическое смещение происходит из-за противоречия между указанием на то, что характеристики референта безразличны, посредством постпозиции местоимения, и упоминанием присущего ему признака: « что-то заурядное и банальное » в (3), « что-то полезное к зиме/зимой » в (15), « освежающий напиток » в (16). Становится понятным, что если только этот единственный признак

¹¹ Пример позаимствован у С. Кузьминой (1989: 177).

подтверждается, то все остальные могут варьироваться, в том числе и те, которые входят в определение понятийного класса, обозначаемого существительным, и отличают его от других близких понятийных классов.

При препозиции местоимения появляется семантическое смещение при условии, что местоимение определяет существительное с единственным в своем роде референтом или отсылает к качественно гомогенному понятийному классу.

4. Заключение,

Постпозиция неопределенного местоимения не является простым стилистическим вариантом, а признаком операции «деиндивидуализации», которая накладывается на первичную операцию индивидуализации, выполняемую местоимением, но ни в коем случае не аннулирует ее. Поэтому деиндивидуализация не тождественна отсутствию индивидуализации, которое происходит при употреблении имени существительного без местоимения, и порождает в «дискурсе» различные субъективно-модальные значения, которые зависят от природы неопределенного местоимения и контекста. Остаются пока не изученными нарративные контексты, в которых постпозиция неопределенных, а также притяжательных и указательных (Вопног, в печати) местоимений создает эффект полифонии (несобственно-прямая речь, появление абстрактной фигуры наблюдателя, и т.д.).

Литература

- Кузьмина, С.М., 1989, «Семантика и стилистика неопределенных местоимений» // *Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика*, Москва, Наука, 158-231.
- Николаева Т. М., 1985, *Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков)*, Москва, 168 с..
- Падучева, Е. В. 1985, *Высказывание и его соотношенность с действительностью*, Москва, Наука, 272 с.
- Русская разговорная речь. Тексты*, 1978, Е. А. Земская и Л.А. Канападзе (ред.), Москва, Наука, 307 с.
- Селиверстова О. Н., 2004, *Местоимения в языке и речи // Труды по семантике*, Москва, Языки славянской культуры, 375-556.
- Bonnot Ch, 1983, « L'étude des indéfinis dans une théorie de l'énonciation » // *IIIe Colloque de Linguistique russe, Aix-en-Provence, 15-17 mai 1981*, Paris : Institut d'Etudes Slaves, 11-24.
- Bonnot Ch, 2008, « Un cas d'« inversion » de l'ordre canonique en russe moderne : la postposition du pronom possessif épithète » // *Mélanges offerts au Professeur M. Guiraud-Weber*, Aix-en-Provence : Publications de l'Université de Provence, 39-54.
- 2009, « Du syntagme au texte. A propos d'une variation de l'ordre des mots dans le syntagme nominal en russe moderne » // *La cohérence du discours dans les langues slaves. Linguistique théorique et textuelle*, Paris : *Revue des études slaves*, LXXX/1-2, 161-173.
- 2010, « Identification et préconstruit : à propos d'une variation de l'ordre linéaire dans le syntagme nominal russe » // *Construction d'identité et processus d'identification*, Bern-Berlin-Bruxelles-Frankfurt/Main-New York-Oxford-Wien : Peter Lang, 15-32.
- (в печати) « Postposition des déterminants déictiques et dédoublement du narrateur. (Sur l'exemple des récits à la première personne) », *Narration et énonciation, Slovo*, Paris : Publications Langues 'O.
- Culioli, A., 1999a, « Structuration d'une notion et typologie lexicale. A propos de la distinction dense, discret, compact » // *Pour une linguistique de l'énonciation, Domaine notionnel, t. 3*, Gap-Paris : Ophrys, 9-15.
- 1999b, « A propos de *quelque* » // *ibidem* : 49-58.
- Kreisberg A., 1986, « Certains cas d'emploi obligatoire des adjectifs indéfinis en russe » // *IVe Colloque de linguistique russe, Toulouse, 18, 19 et 20 mai 1984*, Paris : Institut d'Etudes Slaves, 247-255.
- Paillard D., 1984, *Enonciation et détermination en russe contemporain*, Paris : Institut d'Etudes Slaves, 460 p..
- Veyrenc J., 1994, « Les indéfinis en russe » // *L'indéfini, Faits de langues 4/1994*, Paris : PUF, 105-112.